

Джон Ноймайер взялся за Нижинского не с той ноги

Гамбургский балет в Мариинке

Коммерсантъ. — 2003. — 10 июля — с. 14.

гастроли балет

В Мариинском театре начались гастроли Гамбургского балета Джона Ноймайера. На открытии дали громадное биографическое полотно «Нижинский», рассказывающее о непростом жизненном и творческом пути одноименного танцовщика. ЮЛИЯ ЯКОВЛЕВА была поражена девственной пошлостью этого сочинения, которую трудно было ожидать от прославленного хореографа.

Джон Ноймайер (родился в 1942 году) — танцор, хореограф. Учился в Королевской балетной школе. В 1973 году возглавил Гамбургский балет. Наиболее известен по балетам «Рондо», «Ромео и Джульетта», «Дафнис и Хлоя». В прошлом году с успехом показал в Петербурге балеты «Весна и осень» на струнную серенаду Дворжака и «Теперь и тогда» на Первый фортепианный концерт Раделя, «Звуки пустых страниц» Альфреда Шнитке.

Вацлав Нижинский для Джона Ноймайера — личный кумир. За его вещами он готов мчаться на аукцион в любую точку планеты и ту эпоху знает, возможно, даже лучше, чем собственную. Хореографа в общем понять можно: Нижинский, гений, гомосексуалист, модник, аутист, существо стальной творческой воли и хрупкой психики, с ранней славой и ранним безумием, — самый притягательный персонаж балетной истории. Почти что инопланетянин, невеста откуда заброшенный в этот мир и сторовший при входе в плотные слои атмосферы. Безумие старшего брата, роман с Дягилевым, скандальное увольнение из императорской Мариинки, эмиграция, планетарная слава, собственные гениальные балеты, скандальная скоропалительная женитьба, безумие и очень-очень долгая темная жизнь после — его биография

Танцоры в балете «Нижинский» изображают нормальных людей ФОТО ВАЛЕНТИНА БАРАНОВСКОГО

так стремительна и переполнена драмами, что кажется вымышленной, а сам Нижинский давно превратился в икону.

Джон Ноймайер подступил к теме во всеоружии своей любви, патетики, сантиментов, знаний и обширного архива. И, по сути, у этого подробнейшего, многословного, обильно увлажненного слезами сочинения только один принципиальный недостаток: «Нижинского» ни-почем нельзя было показывать

публике. Так и представляешь себе пожилого одышливого профессора, с огромной серьезностью и последним пылом строчащего любовный роман, хотя до сих пор ничего, кроме студенческих лекций, не писал. Смотришь и диву даешься, какие мощные залежи, глубинные пласты, органические жилы, неразработанные месторождения прекрасной, первозданной пошлости открыты в этой истории господином Ноймайером.

После этого спектакля невозможно по-прежнему считать, что жизнь Нижинского была трагедией: она была бульварным романом. Но и для успешного бульварного романа автору категорически не хватило вынятности и залихватской удали, наш Борис Эйфман явно мог бы преподавать немецкому коллеге парочку мастер-классов по работе над сценарием.

Джон Ноймайер начинает рассказывать историю Нижин-

ского с конца — с последнего публичного выступления перед обитателями швейцарского пансионата. Вихляя бедрами и по балетному обыкновению выворачивая наружу носки, входят под руку гости семьи Нижинских. Это вообще ужасно смешно, когда балетные артисты пытаются двигаться как обычные люди, а тут им еще выдано задание, как на этюдах актерского мастерства: изображать светское оживление, бесе-

ды, сплетни и все такое. Декорация тоже с комичной основательностью изображает «обычный дом» с окнами, стульями, террасой. И когда кажется, что конца этой вялой тусовке по сцене уже не будет, все-таки выходит красавец Иржи Бубеничек под видом Нижинского.

После этого ужасно хочется забыть про килограммы прочитанных книг по истории балета и тоже притвориться «обычным человеком». Совершенно невозможно представить, что за этим всем они, «обычные», могут увидеть. Вваливается какая-то молодежь в розовых шальварах: потусовались, разошлись. Но это я, десять моих коллег и двадцать балетоманов в зале понимаю, что это как бы намек на балет «Шехеразада», который принес Нижинскому первую славу в Париже. А что за куколка цокает на пуантах посреди парней в трусах и военных мундирах? У куклолки большой подтекст: своим появлением она намекает на то, как Дягилев пытался пробудить сознание Нижинского, сводив на балет «Петрушка», в котором тот блистал. Из балета «Петрушка» куклолка и пришла в балет Ноймайера, а парни в трусах олицетворяют первую мировую войну; очень неплохо, если бы Джон Ноймайер посадил в зале человека с микрофоном, который все это втирал бы публике. «Нижинский» Ноймайера, как ни крути, рубеж. Это как с «Гамлетом» в драматическом театре.

Хочется сложить все экземпляры пьесы в один сейф и сдать на консервацию сроком минимум в пятьдесят лет, запретив режиссерам прикасаться под угрозой отрубания рук. В случае с хореографами и Нижинским можно соответственно рубить ноги.